

Л. А. Стрижак

Интертекст Откровения Иоанна Богослова в рассказе Т. Толстой «Лимпопо»

В рассказе Т. Толстой «Лимпопо» действие условно помещено в советскую реальность периода застоя. «Вымирающая» интеллигенция пытается возродиться, создав «нового Пушкина» – своеобразная гротескная инверсия новозаветной истории. Образ Пушкина у Татьяны Толстой выступает символом культурных ценностей, «мессией» высокой культуры.

Интертекст Нового Завета реализуется не только в ожидании пришествия как спасения, но и в явных эсхатологических мотивах: надежда на возрождение утрачивается, наступает конец света, конец времен, обрывающий пути истории. В большинстве случаев злоеущее олицетворение смерти, конца света – образ зверя, реализованный в тексте как аллегорически, так и буквально.

Мотив зверя амбивалентен: это и апокалиптический «зверь многоочитый», страшное мифическое чудовище и зверь как «тварь», вызывающая скорее жалость, чем страх. С понятием зверя-«твари» в рассказе связана миссионерская роль Джуди. Негритянка Джуди приехала, чтобы стать ветеринаром – она пытается выполнить цивилизаторскую, просветительскую миссию, т.е. реализовать «человеческое» начало. Но мечты Джуди потерпели крах, она нелепо умирает в чужой стране, и побеждает, по иронии, именно «дикарское», звериное начало – ее возлюбленный сходит с ума, сбегает в лес на четвереньках и превращается в «дикого среднерусского человека».

Стилистический и синтаксический рисунок рассказа «Лимпопо» напоминает шаманское камлание, сновидчески сопряженное с новозаветными аллюзиями. Эффект гротеска достигается совмещением типично бюрократических, казенных, «совковых» фраз с цитатами из Откровения Иоанна Богослова, в которые эти казенные формулы плавно перетекают, причем текст в целом приобретает ритмическую завершенность.

Несмотря на изображенные в рассказе «Лимпопо» очевидные советские реалии, содержание не привязано к какому-либо конкретному ис-

торическому времени. Новозаветный интертекст выводит изображаемое на более масштабный уровень. Благодаря апокалиптическому снятию времени, рассказ становится «вещанием» о судьбах мира во вневременной плоскости.